Лекция в ВМА 25 сентября 1923 г. слушателям курса физиологии

Господа, я главным образом обращаюсь к своим естественным слушателям, ко второму курсу. По академическому обычаю, которого я держался все свое профессорство, первую лекцию я всегда читаю на общие темы, в свидетельство того, что хотя я и специалист, но все-таки живу и общими впечатлениями жизни, с ними считаюсь, их перерабатываю и на них реагирую. И вот в свидетельство этого я читаю первую лекцию всегда на общую тему, чтобы не считали меня таким ученым сухарем, который, кроме своей физиологии, ничего не знает. А я на жизнь смотрю, сколько могу, жизнь обсуждаю.

Прежде я читал на разные темы: о том, что меня задевало в течение года, о событиях жизни мировой или, в частности, русской, или что я при чтении захватил, что на меня особенно воздействовало, и т. д. В последние годы я эту общую тему посвящаю внутреннему состоянию России, и это совершенно понятно.

Господа, может быть, вы теперь переделались в интернационалистов, но я был, есть и останусь русским человеком, сыном родины, ее жизнью прежде всего интересуюсь, ее интересами живу, ее достоинством укрепляю свое достоинство. Я был даже немало удивлен, когда произошла русская история крупнейшего значения и когда передо мною стал вопрос: быть или не быть родине, когда я боялся за судьбы родины. Только тогда я почувствовал, до какой степени вся моя деятельность, хотя бы по сути интернациональная, до какой степени она связана с достоинством и интересами родины. Это истина, если я скажу, что я прямо как бы потерял основной смысл в своей научной деятельности при мысли, что родина погибла. Для кого же я тогда стараюсь?

Вот мои истинные чувства. Теперь будет понятно, почему я живу с двумя мыслями. С одной стороны — с мыслью о физиологии, а с другой стороны — что будет с моей родиной, с мыслью о том, что ждет мою родину, к чему все это приведет. И других мыслей у меня нет. Безостановочно преследуют меня эти две мысли.

Поэтому совершенно понятно, что я, как специалист, начиная свой курс физиологии, на первой лекции несколько десятков минут посвящаю другому ряду своих мыслей, с которыми я постоянно живу. И так сделаю я и на этот раз.

Теперь: что мне говорить? Как мне относиться к делу? Моя жизнь проходит чрезвычайно просто. Я знаю свою квартиру и лабораторию, абсолютно никого и ничего не вижу, следовательно, жизни в целом у меня нет. По теперешним газетам составить себе понятие о жизни едва ли можно, они слишком пристрастны, и я их не читаю. А между тем на меня падают впечатления, я слышу то одно, то другое, что часто задевает мои чувства, к чему я не могу относиться индифферентно. Тогда я выбрал для себя такой образ действия. Я стал читать книги людей, которые стоят во главе русского коммунистического дела. И вот мое внимание остановилось специально на Бухарине. В прошлом году я изучал его произведение «Азбуку коммунизма», которое он написал вместе с Преображенским [1]. Я сейчас читал его брошюру «Пролетарская революция и культура» [2]. Думаю, что выбор мой имеет основание потому, что это одно из крупных лиц, которое в своих руках держит Россию. Кстати, я недавно шел по Невскому и видел портреты видных членов этой партии. Между ними имелся портрет и Бухарина, следовательно, действительно он во главе партии стоит. Ну, я и сосредоточил внимание на его произведениях и думал, что вот тут я посмотрю, какие цели, какие расчеты руководят деятельностью этой партии, которая правит сейчас Россией.

Надо сказать, господа, что я к делу отнесся чрезвычайно добросовестно. То есть мой обычай, когда я чем-нибудь интересуюсь, читать не один раз книгу, а несколько раз читаю. Одного прочтения слишком мало, многое пропустить можно. Я эту маленькую брошюрку прочел целых три раза и прочел с чрезвычайно напряженным вниманием и, как мне кажется, прочел с возможным для меня беспристрастием. Вы понимаете, что я всю жизнь, стало быть полстолетия, провел в лаборатории, в экспериментальной лаборатории. Это что значит? — Что я каждый день проверял свое беспристрастие, мои мысли. Это во-первых, и, во-вторых, — мое беспристрастие потому, что всегда действи-

тельность должна решить — прав я или не прав. Действительность никак не обманешь, никак не обойдешь на пустых словах; и волей-неволей, нравится ли или не нравится действительность, в конце концов приходится ей покориться, так что, следовательно, беспристрастие непременно вырабатывается, без беспристрастия ничего не сделаешь и всегда будешь ошибаться, если будешь стоять на своих мыслях и не будешь считаться с другими взглядами и действительностью. Так вот, я хочу сказать, что это мое крайнее разумение, вообще для меня допустимое.

Приступая после этих оговорок к делу, надо сказать, что эту маленькую брошюру, которая состоит из 56 страниц, я прочел очень внимательно, несколько раз и по поводу ее можно было бы очень много говорить. Тут слишком много возражений, огромная сложность предмета и т. д. Но само собою разумеется, что в тот час, который я для этого дела посвящаю, это сделать невозможно, поэтому я ограничусь некоторыми выборными пунктами, причем, главным образом устремлюсь к тому пункту, который касается моей деятельности профессорской, а этот пункт тут занимает, может быть, даже центральное место. Наука, высшая школа тут есть, и непременно в связи с нашей коммунистической революцией.

В этой книжке прежде всего остановил мое внимание тот же пункт, который поразил меня в прошлом году в другой книге, в «Азбуке коммунизма». Это именно категорически высказываемое предположение, что пролетарская революция или коммунистическая революция может победить только как мировая революция, т. е. в мировом масштабе. То же самое и совершенно резко он повторяет это в своей книге (стр. 17). Так что это считается для них аксиомой.

Я не буду здесь останавливаться на том, о чем очень часто говорилось и писалось в литературе, не буду развивать здесь аргументацию, совершенно правильную, которая гласит, что нельзя Россию вырвать из общего круга всего мирового хозяйства, в том числе и западноевропейского, что наша революция есть только часть европейской революции и т. д., которая может быть осуществлена только в общемировом масштабе.

Вот моя мысль остановилась на этом пункте в первую голову. Но какие есть доказательства, что такая революция обобщится, что она действительно сделается мировой. Вы видите, что это коренной вопрос для всей нашей революции – быть ей или не быть. И вот, сколько я ни роюсь в[о] впечатлениях от жизни, полученных еще в прошлом году, и заграничных, — я только что сделал большое путешествие — точно так же в своих сведениях

вообще о положении дел от всяких других источников, я не вижу того, что бы указывало на возможность мировой революции, я этого не вижу и не видел, когда путешествовал. Вы посмотрите — там идут беспорядки, конечно, после такой ужасающей войны это, конечно, но где шансы?

Лидеры нашей правящей партии верят в то, что мировая революция будет, но я хочу спросить, до каких же пор они будут верить?! Ведь нужно положить срок. Можно верить всю жизнь и умереть с этой верой. Должны быть осязательные признаки, что это имеет шансы быть, но где же эти признаки? Возьмите крупнейшие державы, которые в своих руках держат судьбы наций, как Франция, Англия, Америка, там никаких признаков нет, тишь и гладь. Я, правда, исключительно вращался в ученых кругах, но все равно последняя война всех заставила интересоваться и общими вопросами, и это, как свежую вещь, можно было бы слышать. А я ничего не слышал об опасностях революции в Англии или Франции. Совершенно ничего не слышал. Идут брожения среди рабочих партий, это обычное явление, но никаких признаков приближающегося чрезвычайного положения совершенно нет, а между тем они сейчас держат в своих руках мир, от них все зависит, они – сохранившаяся сила.

Где идут беспорядки, где похоже на революционный взрыв — это в побежденных странах, Германии прежде всего, Польше. Почему? Именно потому, что они побежденные страны. Германия находится в страшно трудном положении, потому что она начала войну, воевала с целым светом и теперь нужно расплачиваться со всем светом. Откуда взять такие ресурсы? По иностранной прессе не поймешь, не то она не хочет платить, не то не может платить контрибуцию, как полагается побежденной стране. Но это ничего общего с революцией не имеет. Теперь возьмите: если присмотреться к составу германской нации, то где те элементы, которые могут сделать революцию? Буржуазия — не за революцию. Наиболее организованная часть — социал-демократы — против этой революции. Кто же ее может сделать? Значит, ее сделает там ничтожная компартия, спартаковцы и т. д. Какие у них ресурсы? Само собою разумеется, что тяжелые условия жизни вызывают недовольство, вспышки, взрывы негодования, но это вовсе не коммунистическая революция. Теперь тоже в Болгарии, но это побежденная, дикая страна. Что это за шансы для мировой революции? Я их совершенно не вижу, при всем своем беспристрастии. А это дело серьезное. Наши, конечно, на это рассчитывают, они всячески желают помогать, тратят порядочные средства, но из этого ничего не выходит.

Возьмите последний случай, Японию. Почему Япония отказалась от помощи? Потому, что помогать хотели специально только пролетариату. И им это не удалось, так что на это рассчитывать нельзя, а вопрос этот крайне существенный. Ведь если мировой революции нет, они сами говорят, что на нет сводится и русская революция. В этой книге это несколько раз повторяется. Эта революция стоила нам невероятных издержек, страшнейшего разрушения... А что, если все это впустую? Если мировой революции не случится? А без мировой революции наша не может существовать – вот аксиома. Тут я мучаюсь, и моя мысль бросается во все стороны, ища выхода, и не находит его. Вот это тупик.

Затем автор, приводя возражения против русской революции — нашей пролетарской революции — социал-демократов, буржуев разных оттенков и т. д., начинает свое опровержение с контратаки и говорит: «Вы на нас нападаете, отмечаете у нас всякие дефекты, наши издержки, а у вас самих хорошо или нет?» И указывает на тот хаос, который сейчас существует или в отсталых странах, или в побежденных, как Германия, или во всем концерте европейском. Указывает, что собираются конференции, совещания – и ничего не выходит.

Это понятно, потому что война была действительно ужасная, на редкость истребительная. Затем, перетасовка народов и государств произошла чрезвычайная. Возьмите центр Европы, древнейшую Австро-Венгерскую монархию и др. Конечно, невозможно скоро привести в спокойствие так раскачанное европейское равновесие.

Затем, если бы в элементах нашей революции было бы что-нибудь такое, что могло бы пособить. Это другое дело: «Вот, вы несчастны, а мы очень счастливы, мы поможем вам, как выйти из этого затруднительного положения». Но этого ничего нет.

Возьмем Германию. Она мучается, потому что побеждена, потому что должна платить непомерно много. А как бы, желал бы я знать, как ей пособит пролетарская революция? Теперь они все-таки, за исключением маленькой кучки, соединены между собою — тогда они образовали бы стан[ы] враждующих друг с другом людей. И почему это вывело бы их из тяжелого положения, в котором они находятся? Я это опять не представляю себе, и опять я в тупике.

Конечно, кончилось бы тем, что Франция тем скорее эту Германию обработала бы, заняла бы еще бóльшую территорию, она отняла бы бóльшие ценности и т. д., если бы они устроили граж-

данскую войну. Я совершенно не понимаю, каким образом это бы вышло, и опять становлюсь в тупик, ответа нет.

Теперь иду дальше. Когда автор говорит о перспективах капиталистического мира, он обращает внимание на то, куда устремилась энергия и мысль этой капиталистической Европы. Именно: на выделку чрезвычайных истребительных средств, на пушки, на аэропланы, которые одни летают и разрушают города, и т. д. Право, это ужасная картина и, если бы все эти средства истребительные, если бы они были пущены в ход, это угрожало бы истреблением человечеству. Конечно, перспективы ужасные, если только человечество не придумает чего-нибудь смягчающего.

Но, позвольте, а что же в этом будущем ужасном положении пролетарская революция могла бы сделать? Я сейчас прочту одно место, которое меня ставит в чрезвычайный тупик, и нет ответа. Это стр. 39. Он говорит: «Вы помните, место есть у Маркса, где он говорит, что для того, чтобы достигнуть окончательной победы, рабочий класс должен пережить эпоху гражданских войн и битв народов в течение 15—25 лет для того, чтобы переделать свою культуру» [3].

Что же это за выход? Мировая война была четыре года и то уже измучила человечество, а Маркс, оказывается, предлагает 50 лет, да еще ужасных битв народов, да еще гражданской войны. Что это за выход? Вы понимаете, что тут все эти измышления истребительные, они пойдут в ход, и через 50 лет от человечества останется меньше, чем теперь. Я не понимаю, что это за выход – 50 лет всенародной войны при этих истребительных средствах. Мне кажется, что в этих случаях – конечно, к Марксу это не относится , но относится к Бухарину – они соблазняются до известной степени легкостью русской революции. Но я думаю, что соблазняться ею разумных оснований нет. Не говоря о чрезвычайных издержках, Россия на десятилетия разрушена. Но надо считать следующее. Если бы желание нашей партии осуществилось, то резня во всех нациях произошла такая, которая неизмеримо превзошла бы ту, которая была у нас. И это я сейчас докажу.

У нас это произошло на том основании, что русский тип довольно не энергетический, слабый. А у других типов, положим, у немецкого или англосаксонского, было бы совершенно по-иному. Даже у финского, я бы сказал, выйдет по-иному.

В прошлом году я был в Финляндии по своему делу, читал и т. п., но кое-что запало из разговоров с учеными людьми, с которыми я там виделся. Ни с какими партиями я, конечно, не зна-

комился, работал только в лабораториях и за книгами, но слыхал, что там, в Финляндии, ввиду угрозы революции имеется кроме настоящей армии еще гражданская, буржуйская армия, причем она в высшей степени серьезно, в высшей степени страстно относится к своим обязанностям. Там устраиваются репетиции, тревоги, изучают военное искусство, как только можно. И расчет имеют такой: что если в военной армии $^1/_3$ или $^1/_2$ имеется на стороне коммунистической и революционных партий, другая половина, состоящая из тех же граждан, будет на другой стороне. Так вот, думают, что эти вольные дружины плюс войска обеспечат победу. Вот, какая же произойдет свалка, истинно всенародная резня, организованная в высшей степени серьезно. Они имеют точные сведения о представителях революционных партий, как это бывает в военных организациях. Осведомляются о положении врага и т. д. Какая же это будет свалка?

Теперь возьмите англосаксонские нации — американскую и английскую. Действительно, приходилось видеть такие примеры, что стачки в Англии иногда принимают грандиозные размеры, стачка может остановить всю жизнь, касаться основных потребностей жизни. Но, подумайте, вся масса граждан до такой степени организована, дисциплинирована, что они эти стачки сплошь и рядом совершенно нейтрализуют. Значит, во все те места, откуда бастующие рабочие ушли, сейчас же набирают новый контингент из других людей. Видите, какая энергия, какая последовательность действий. В случае гражданской войны это пройдет насквозь чрез всю нацию. Если бы там оказалось больше на стороне революции материальной массы, то сколько бы оказалось ума, знаний и т. д. на другой стороне! Что же, выходит, опять для меня тупик, опять не могу понять, каким образом этот ужасный вопрос — что будет дальше с человечеством — будет разрешен при помощи этой 50-летней гражданской и международной войны?

Лично я, понятное дело, по своей профессии ученого думаю иначе. Думаю, что из этого ужасного положения, как оно сейчас представляется, выход все-таки один, выход все-таки в науке, и я на нее полагаюсь и думаю, что при помощи нее человечество разберется не только в своих состязаниях с природою, но и в состязании с своей собственной натурою. Человек сам хорошо разберется, он точно, законно оценит свои стремления и отделит законное от незаконного. Так что для меня все-таки выход — в развитии и проникновении в человеческую массу научных данных. Они остановят человечество пред этим страшным видом

взаимного истребления на пролетарском или капиталистическом основании — все равно!

Здесь так жарко и трудно говорить, что я постараюсь кончить поскорее.

Я мог бы коснуться других пунктов, где мысль опирается на науку, но я хочу обратиться опять к тому пункту в этой книжке, который наиболее соприкасается с моим делом ученого и профессора, это именно пункт, касающийся высшей школы, нашей специальной. Видите, какая вещь. Тут много говорится о принципах пролетарской революции и т. д. Остановлюсь вот на чем: здесь говорится, как надо обосновать право этой пролетарской революции, как надо показать, что принцип пролетарской революции выше, чем принципы капиталистического, буржуазного строя. И вот автор останавливается на этих принципах. Эти принципы такие, с которыми я встречаюсь, — это то, что пролетарская революция уничтожает анархию производства. Этот главный пункт заключается в этой анархии производства, что люди работают без соображения, что надо и что не надо, вырабатывают массу товара и, естественно, желают получить много денег и начинают воевать из-за рынка. Отсюда получаются военные авантюры. Это основная причина.

Так вот, эта пролетарская революция, она эту анархию производства уничтожит. Но об этом я говорить не буду, потому что я насчет этого производства не осведомлен. Я могу сказать только одно, и это ясно, что и этот вопрос тесно-тесно связан с мировым характером пролетарской революции. Если она не будет в мировом масштабе, то опять-таки никакой анархии производства во всем свете не уничтожит. Но я говорю, что эту сторону дела я оставляю в стороне.

Другой пункт такой же значимости — это пункт вот какой: это «устранение анархии культурно-интеллектуального производства». Это меня занимает очень, и на этом я хочу остановиться. Этот предмет для меня чрезвычайно важен, потому что он касается нас непосредственно — вас и меня, как преподавателя высшей школы. Вот что пишет автор по этому поводу...

Да, прежде всего должен сказать следующее: тут много есть здравых вещей о понимании действительности. Напр.: на стр. 44. Как это ни неприятно для него и для рабочего класса, он тем не менее говорит следующее: «Если мы, если русский рабочий класс не сознает того, что он не учен по сравнению с буржуазией... поэтому тактически правильно кричать о том, что мы ничего не знаем».

Вот его слова, а рядом с этим мне совершенно непонятно: этот рабочий класс, который совершенно ничего не знает, каким-то образом взвалит на свои плечи уничтожение анархии культурно-интеллектуального производства. Но это безвыходное противоречие! Эту анархию можно устранить только тому, кто что-нибудь понимает в этой работе. А если человек ничего не знает, то как он будет эту анархию устранять? Я опять в тупике, я опять ничего не понимаю, а это чрезвычайно важный пункт. Почему? Потому, что люди вообразили, что они, несмотря на заявление о своем невежестве, могут переделать все образование нынешнее. Откуда у них знание для этого, а знать надо все это хорошо. Смотрите, что он по этой части пишет, и сопоставьте с той фразой, которую в этой книге нужно прочитать: «Пролетариат должен преобладать...», т. е. что рабочие отлично сознают, что все так называемые культурные ценности и различные научные отрасли должны быть так скомбинированы, чтобы была система общего мировоззрения вместо анархии. Таков первый принцип пролетарской культуры. Это легко сказать, но трудно выполнимо для людей, которые ничего не знают. Я бы сказал, что это невозможно сделать.

Дальше говорится, что буржуазия по своей специальности базируется на анархии производства и вреда ее [о]сознать не в состоянии, хотя она и образованнее и больше знает, чем пролетариат. Тем не менее она не в состоянии [о]сознать вред. Отсюда вытекает второй вопрос. Она не принимает — в лице своих представителей — практического смысла такой теоретической доктрины, а рабочий класс прекрасно понимает абстрактную теорию познания. Что это такое? Ну, да бумага все стерпит – но таких вещей невозможно писать! Он понимает, что все здесь имеет практическую ценность и служит орудием борьбы либо партий, классов, либо всего общества с природой. Эту прикладную ценность рабочий класс признает, но признавать и знать – это два разных понятия. Почему – это выше говорилось. По той простой причине, что признание это бросает новый свет на науку, искусство и т. д.

Я бы привел такой крупный пример. Когда мы стоим у власти, ясно, что мы должны знать, сколько нам придется затратить на биологию, на текстильное производство и на производство колбасы. Что это значит? Это значит, что мы должны взвесить практическую ценность той и другой отрасли, начиная от производства колбасы и кончая биологией. Вы можете сказать, что я думаю, что на биологию столько-то и на колбасу столько-то, но вопрос заключается в том, верно ли вы даете, верно ли оцени-

ваете? Сейчас на что-нибудь даются огромные деньги, например на Японию, — в расчете на мировую революцию. А рядом с этим наша академическая лаборатория получает три рубля золотом в месяц. Но что это за решение вопроса? Надо разумно давать, понимать, для того чтобы давать, значение биологии, значение другого вопроса и т. д. Этого ничего нет.

Это положение я считаю чрезвычайно важным, и на нем сосредоточиваю свое внимание. Ведь наука, научная деятельность — это великая вещь. Вы знаете, что русская наука — нестарая наука, она строилась только с Петра Великого, который пригласил заграничных ученых. И в последнее десятилетие мы имеем не только выдающихся представителей науки, но имеем уже генерацию ученых людей. И что же выйдет, если эту самую науку будут третировать люди, которые сами признают, что они ничего в этой науке не знают? Разве это не чрезвычайная опасность для науки? Вот почему это меня затрагивает, вот почему я говорю об этом на первой лекции.

А такие признаки у нас налицо. Посмотрите, до какой степени у власти теперешней легкое обращение с наукой! Из Одесского университета было выброшено 15 наиболее талантливых профессоров, представителей науки. Скажите, разве это возможно? Я сейчас слышал, я слышал от одного ученого, приехавшего на съезд патологов, что почти весь Новороссийский университет раскассировывается, все факультеты от заведенных порядков бегут. То есть довольно большая старая единица научной России — Одесский университет — упраздняется. Какой же это толк? А из Саратовского университета идут такого рода сведения, что он совершенно закрывается. Что же это такое? С одной стороны, хотите анархию этого самого культурно-интеллектуального производства уничтожить. Что же — эту анархию уничтожают таким образом, что уничтожаются все университеты? К чему это приведет, как разберут науки: что стоит и что не стоит?

Возьмите быт науки русской. Они тоже все переделывают, постоянно пересматривают программы, отменяются признанные всем светом порядки, уничтожают докторские степени[4]. К чему это приведет? И все это неопытными руками! Это угроза науке!

Тут есть в одном месте фраза, правда, относительно техники, что мы ничего своего не имеем, мы отстали, но зато у нас высшая квалификация революционной энергии, т. е. энергии разрушения. Что же, энергия разрушения — это не бог знает что. А что в этой хваленой высшей квалификации — революционной энергии — действительно есть что-то отрицательное, есть просто дикий элемент, я докажу из этой самой книжки. Вот, на 47-й стр.

Это очень поучительно: когда все внимательно прочтешь и продумаешь, то дело представляется очень трагически.

Дальше он рекомендует — совершенно законно — культуру и говорит, что надо подходить к делу чрезвычайно осторожно, надо оберегаться мыслей или настроений, которые иногда имеют распространение, например отношение со стороны недостаточной продуманности. Например, человек видит нэпмана и говорит: «Давайте мы еще раз вышибем ему зубы». Дальше на эту фразу плохо продумавшего человека следует фраза самого Бухарина: «Мы двадцать тысяч раз при желании могли бы это устроить, могли бы устроить погром в каком-нибудь городе. Это не требует труда». Вот в чем заключается революционная энергия! Это опасно, это плохо, и вот если эта революционная энергия обратится к усовершенствованию, к уничтожению анархии культурно-интеллектуального производства, то что останется от этого интеллекта и что останется от этой культуры? Вот что меня страшит, вот что привлекло мое внимание.

Мы видим, до какой степени это делается аляповато, ведет к уничтожению русской культуры.

Теперь я коснусь предметов, может быть, немножко щепетильных. Возьмите историю наших рабфаков, которые будут теперь моими слушателями. Хорошо, я не имею ничего против того, чтобы образование сообщалось большему числу лиц. Это всегда было нашим желанием и останется нашим желанием. Но вся штука заключается в известной обоснованности этого желания. Ведь если выйдет так, что возьмут людей совсем неподготовленных, кое-как их в течение двух лет настрочат и затем уже откроют пред ними двери высшей школы, то что из этого может выйти? Понятно, для способного человека нет препятствий, он и чрез это перешагнет. Но мы должны считаться не с выдающимся, а со средним человеком, а среднему человеку такое нарушение необходимой последовательности знаний — оно дешево не обойдется. Он напрасно измучается, напрасно потеряет время и будет выброшен за борт. Тут одно из двух: или комедия будет происходить — церемониальный марш этих малоподготовленных людей и они окажутся дрянными специалистами, или они будут отброшены назад как непригодные. Тогда зачем было соблазнять без толку? Это нескладно!

Я понимаю так, что рабочий класс, который теперь правит... хотя это не совсем верно, правящий класс без культуры существовать не может. Это нонсенс. Ну, так он думает, что на сказочном основании, по моему хотению, по щучьему велению, можно сделать этот класс культурным. Но то не выходит.

Единственное, что можно было бы сделать, — это провести наиболее способных лиц чрез гимназию, провести путем, каким шли раньше буржуи, нормальным путем, а это[го] нет. Есть некоторая искусственность дела, какой-то спех, который ни к чему хорошему не может привести. Следовательно, тут расчет, быть может, не считая счастливых единиц, что уровень образования чрезвычайно понизится благодаря неуспешности, непоследовательности приобретения знаний.

Затем нужно иметь в виду, что рядом существует факт, что масса людей подготовленных, из которых мог бы образоваться отряд хороших спецов, отстраняется от школы, им ставятся всякие затруднения, палки в колеса. Какой же в этом толк? И это огромный процент лиц, которые, будучи совершенно подготовлены рядом генераций домашнего воспитания, должны обратиться к спекуляции, должны заниматься пустой торговлей. Какой в этом смысл для всей нации? Какая выгода? Что приобретается? Там культура не получается, потому что нельзя ее приобрести сразу, а здесь — культура страшно была урезана, ограничена. И такое противоречие, такое несоответствие с действительностью, понятно, дадут о себе знать.

Я не могу расстаться с этими мыслями, вот почему я хоть час моего курса уделяю сообщению моих мыслей.

Теперь приделываю конец. А конец вот какого рода. Раз вы мои слушатели, я вам посвящаю все свое внимание, мое время, мой труд и т. д. и надеюсь на то, что тот догматизм марксизма или коммунистической партии, который есть чистый догматизм, потому что они решили, что это истина, они больше ничего знать не хотят, постоянно бьют в одну точку, я думаю, что этот догматизм очень потерпит в ваших головах и натурах, когда вы действительно войдете в науку, потому что наука и догматизм совершенно несовместимая вещь. Наука и свободная критика — вот синонимы, а догматизм — это не выходит, и для того нет надобности примеров приводить. Сколько было крепких истин! Возьмите, например, неделимость атома. И вот прошли годы, и ничего от этого не осталось. И наука вся переполнена этими примерами. И если вы к науке будете относиться как следует, если вы с ней познакомитесь основательно, тогда, несмотря на то что вы коммунисты, рабфаки и т. д., тем не менее вы признаете, что марксизм и коммунизм — это вовсе не абсолютная истина. Это одна из теорий, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды. И вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабаленной.